

Лащенко С. К.

Композитор и царь: (М. И. Глинка и Император Николай I)

Аннотация.

В статье на основании «Записок М. И. Глинки» (1854–1855) предпринята попытка реконструкции отношения композитора к событиям 14 декабря 1825 года и впервые увиденном им в тот день Николае I. Рассматриваются последующие встречи Глинки с Императором и членами его семьи, даётся характеристика отношения царствующих особ к композитору, анализируется поддержка музыканту, оказывавшаяся августейшими особами в различные периоды его жизни.

Обращается внимание на то, что Глинка, оставаясь и 30 лет спустя чрезвычайно осторожен при любых упоминаниях о декабрьском мятеже и его героях, стараясь по возможности минимально или иносказательно обращаться к этой теме. Тем не менее, в разделах текста «Записок...», которые писались под влиянием эмоциональной памяти музыканта, явственно проступают черты субъективной позиции Глинки как по отношению к самому себе и своему невольному участию в событиях 1825 года, так и к декабрьскому мятежу и восприятию фигуры Императора.

Доказывается: воссоздавая в таких разделах эпизоды прошлого, Глинка подходил к ним как композитор-драматург, выстраивая сцену руководствуясь законами театрального мышления, выделяя в ней определённых героев и заявляя о собственном эмоциональном отношении к ним. Анализируется описанное Глинкой появление на Сенатской площади Императора и создаваемый музыкантом образ правителя, обременённого тяжелейшим долженствованием.

Ключевые слова:

М. И. Глинка, «Записки М. И. Глинки», Император Николай I, эмоциональная память, образ правителя.

Как известно, Глинка неоднократно встречался с Императором Николаем I и членами его семьи. Установить, кто конкретно был посредником, представившим его ко Двору, пока не удалось. Можно лишь предполагать, что это был некто из многочисленных высокопоставленных глинкинских знакомцев. Но возможно и то, что при Дворе был проявлен интерес к Глинке как к восходящей звезде

столичной музыкальной жизни, и это стало первоначальным основанием для приглашения его на музыкальные вечера во Дворец. По воспоминаниям самого Глинки, контакты с Императором и его семьей до определённого времени отличались благорасположением к нему со стороны Николая I, его супруги и детей. Император с нескрываемым интересом относился к глинкинскому творчеству (поразному можно оценивать его вмешательство в контекст первой глинкинской оперы¹, но факт его внимательного отношения к ней отрицать невозможно), был в течение нескольких лет заинтересован в дальнейшей творческой судьбе композитора². Глинка был знаком с Великими Князьями и Княжнами, его приглашали в царскую ложу театра, он присутствовал на литургии в церкви Аничкинского дворца, неоднократно являлся на большие и малые выходы в Зимнем дворце, посвящал ряд своих сочинений царствующим особам³, получая от них щедрые вознаграждения, которыми всегда распоряжался по

---

¹ Речь идёт об изменении названия оперы. Как известно, выбор колебался между «Иван Сусанин», что действительно было неразумно, провоцируя ненужную конкуренцию с одноименной оперой К. Кавоса, «Смерть за царя» — названия, предлагавшемся в качестве альтернативы и, как повествует легенда, названием «Жизнь за царя», данным Императором. Последнее было действительно наилучшем с точки зрения доминант культурной политики того времени.

² Глинке было известно о словах Императора, сказанных после одного и посещенных им концертов Стунееву и выражающих озабоченность Николая I в том, что композитор ограничится одной оперой, ограничив тем и русскую музыкальную культуру.

³ Известно о том, что «Жизнь за царя» посвящалась Глинкой Императору. Об этом вспоминал сам композитор. Но конкретных доказательств этого посвящения на сегодняшний день найти не удалось: ни в автографе, ни в первых нотных изданиях его нет. Императору Глинка посвятил также Кантату (1826) на кончину Александра I и взшествие на престол Николая I. Поддерживая связи с Александрой Фёдоровной, встречаясь с ней в Варшаве, Глинка посвятил вдовствующей императрице романс «Палермо» («Финский залив») на слова Оболенского.

собственному усмотрению⁴. Его социальный статус, по мере своего роста, допускал даже отказ от приглашений во Дворец, как это было, к примеру, в 1841 году, поскольку, как вспоминал сам композитор, его «о том уведомили поздно», и он не «имел времени купить башмаки, шелковые чулки и белые перчатки»⁵.

О своём личном отношении к августейшей фамилии Глинка, по вполне понятным причинам, нигде и никогда прямо не высказывался. Лишь по подтексту написанного при упоминаниях о властвующих особах и событиях, связанных с ними, можно догадываться о тех эмоциональных и интеллектуальных рамках, в которых формировался у Глинки образ Императора и императорской семьи.

*

Глинка отмечал, что впервые увидел Императора 14 декабря 1825 года на Сенатской площади. Нет необходимости описывать, что это был за день, и какую роль он сыграл в истории страны, в судьбе августейшей семьи и жизни композитора. Об этом писалось много и подробно, что позволяет сразу обратить внимание на особые аспекты

---

⁴ С удовольствием Глинка вспоминал не только о перстне, подаренном ему Императором за «Жизнь за царя» («перстень в 4000 руб. асс., <состоявший> из топаза, окруженного тремя рядами») и блестяще проведенный набор певчих, но и о вознаграждении от Императрицы («перстне с изумрудом, осыпанном бриллиантами» за выпускной хор Екатерининского института) или Цесаревича (перстне, «состоявшем из рубина, украшенного алмазами» за Польский с хором для бала смоленского дворянства). Императорские подарки до поры до времени Глинка передавал жене, а после расставания с ней — матери.

⁵ Записки М. И. Глинки // Михаил Иванович Глинка. Литературное наследие: в 2 тт. Т. I. Автобиографические и творческие материалы / Под ред. В. Богданова-Березовского. М.-Л.: Музгиз. 1952. С. 211. Речь шла о репетиционном показе Императрице сочинённого Глинкой хора выпускниц Екатерининского института на слова П. Г. Ободовского (*Es dur*).

описания Глинкой знаменательного эпизода и событий, с ним связанных.

Бесспорно, увиденное Глинкой в тот день поразило его. Сообщал ли он родителям об этом сложно судить: сохранились лишь единичные письма Глинки за 1820-е — 1830-е годы⁶, а позднее он эту тему не поднимал. Вполне допустимо, что Глинка вообще старался обойти стороной рассказ о событиях 1825 года как из соображений личной безопасности, так и безопасности родных. Говорил ли он о тех днях с друзьями неизвестно. Можно лишь предполагать утвердительный ответ на этот вопрос: среди тех, кого Глинка называл «очень знакомыми ему людьми», было немало «сочувствующих». Кто-то из них стал непосредственным участником мятежа. Но бóльшая их часть, будучи мысленно близка воззрениям декабристам, постаралась избежать очевидных проблем, открестившись от своих связей с ними. Единственный источник, по которому можно судить об отношении Глинки к декабрьским событиям, — мемуарные «Записки...»⁷. Но и они требуют взвешенного к себе отношения. Текст, писавшийся спустя 30 лет после происшедшего, не мог не отразить воздействия времени. Кое-что композитором забылось, кое в чём он поддался циркулировавшим в обществе мифам о декабрьском мятеже, его

---

⁶ Известно лишь одно письмо М. И. Глинки родным, датированное 2 июня 1822 г. — См.: Записки Михаила Ивановича Глинки и переписка его с родными и друзьями / Пров. и испр. По ориг. изд. с сохранением всех прим. В. В. Никольского. СПб.: Изд-во А. С. Суворина. 1887. С. 282. Следующее письмо условно датировано 1824–1827 гг. и лишь с 1829 г. переписка Глинки с родными и друзьями дошла до нашего времени с большей сохранностью.

⁷ Речь идёт о «Записках М. И. Глинки», писавшихся композитором в 1854–1855 гг. по просьбе сестры и близких приятелей. Опубликованы «Записки» были лишь в 1870 году.

участниках и последствиях. Это отчётливо ощутимо в том, как Глинка оперировал фактами, удержавшимися в его памяти, как старательно сглаживал острые углы, как избегал упоминать имена вышедших на Сенатскую площадь⁸.

Но «Записки...» ценны в другом. В них проявилась эмоциональная (аффективная) память⁹ Глинки, хранившая чувства и ощущения, возникшие в ходе развития событий декабрьского дня. Обонятельные, осязательные, вкусовые, кинестетические, зрительные, слуховые... Каждое из этих ощущений годами оставалось своеобразным маркером прошедшего. Достаточно было лишь слегка всколыхнуть любое из них, и испытанные некогда эмоции, «свёрнутые» до поры до времени, существуя в подсознании в латентном виде, начинали переживаться заново, возвращая к былому. Особенно важными в этом смысле были для Глинки ощущения зрительные и слуховые. Они давали ему, художнику и композитору, не только толчок к реконструкции пережитого, но одновременно позволяли создавать если не новую, то обновлённую реальность.

---

⁸ На этом фоне своеобразным актом гражданского мужества был для Глинки сам факт упоминания в «Записках» Кюхельбекера — «особенного» гувернёра, «участвовавшего в мятеже». Без пространных замечаний и комментариев Глинка, отдавая должное памяти своего наставника, остался справедлив к герою своей жизненной истории.

⁹ Понятие эмоциональной (аффективной) памяти было сформулировано К. С. Станиславским и взято за основу при создании его системы. Сам термин был заимствован из работ психолога Т. Рибо, утверждавшего, что эмоции человека, произведённые звуками и/или визуальными объектами, способны оставлять воспоминания, возвращение которых может быть спровоцировано каким-либо событием или ситуацией.

Другое дело, что, как писал в своё время Б. В. Асафьев, в «Записках...» композитор многое описывал «эзоповским языком»¹⁰, для понимания которого нужно непременно учитывать контекст происшедшего и особенности мышления Глинки. Характер обращения к событиям на Сенатской площади и первой встречи с Императором, описание произошедшего тогда, не были исключением.

*

Формально Глинка дважды прямо упоминал в «Записках...» о фактах своей вовлечённости в водоворот событий 1825 года.

Впервые, — при описании вызова через несколько дней после мятежа к Главному управляющему путями Сообщения Герцогу Виртембергскому для объяснений по поводу возможной причастности к трагическим обстоятельствам жизни империи и своём отношении к ним.

Глинка вспоминал об охватившем его тогда страхе, но настаивал: возник этот страх совсем «на короткое время» из-за внезапности ночного пробуждения, а испуг он почувствовал, поскольку «вовсе не знал в чём дело»¹¹. Возможно, и так. Но сомнительно.

Столица гудела слухами и зловещими подробностями. Аресты шли повсеместно и были слишком заметны, чтобы не знать о них. Так что скорее всего, Глинка лукавил, упоминая в «Записках...» о своём неведении. Тем более, что уже через три дня после событий всем было известно о создании «Комиссии для изысканий о злоумышленных

---

¹⁰ Асафьев Б. В. На полях «Записок М. И. Глинки» // Советская музыка. 1944. №2. С. 10–15.

¹¹ Там же.

обществах» под председательством военного министра Александра Татищева. Вызов Глинки на дознание был связан с розыском бежавшего В. К. Кюхельбекера и предположением, что он скрывается у кого-то из своих племянников — Дмитрия или Бориса Глинок, дальних родственников и хороших знакомцев Михаила Глинки по Благородному пансиону. Это и стало основанием для того, чтобы будущий композитор оказался «втянут в историю». Но, как он вспоминал в «Записках...», ему удалось привести весомые аргументы, убедив, что ни Дмитрий, ни Борис, отличающиеся «особенным благонравием», не могут быть причастны к укрывательству Кюхельбекера¹², залог чему — нерушимые семейные традиции и связи. Выступив, т. о., поручителем молодых родственников (что было непросто в ту нелёгкую минуту), Глинка, одновременно, опираясь на знаковое при Дворе имя почившего отца братьев¹³, «легко <...> отклонил подозрение» от себя, и Герцог, «ласково выслушав», отпустил его. Но память о пережитых эмоциях осталась, побуждая и через десятилетия вспоминать о страхе, возникшем при инциденте и

---

¹² Наблюдение М. И. Глинки оказалось справедливым. Дмитрий Григорьевич Глинка (1808–1883) после учёбы в Пансионе служил в Коллегии иностранных дел, представлял интересы России в различных зарубежных миссиях. В 1880 г. осуществил первое зарубежное издание стихотворений В. К. Кюхельбекера. Борис Григорьевич Глинка (1809–1895) после учёбы в Пансионе сделал блестящую военную карьеру, дойдя до генеральских чинов. Женившись на фрейлине, дочери сенатора С. Ф. Маврина, получил дозволение именоваться самому и своему старшему сыну Глинкой-Мавриным.

¹³ Глинка состоял в дальней степени родства с Григорием Андреевичем Глинкой, мужем сестры Кюхельбекера, Устины Карловны. Г. А. Глинка (1776–1818) — дядя М. И. Глинки, состоявший с ним в пятой степени родства. Учился в Пажеском корпусе, службу начинал в Семёновском полку. После отставки поступил в Коллегию иностранных дел, был цензором иностранных книг. Являлся профессором русского языка в университете Дерпта. Автор книги «Древняя религия славян» (1804).

пробуждённой им реакции: «сердце замерло, а душа, как говорится, ушла в пятки»¹⁴.

Второй прямой отсылкой к декабрьским событиям можно считать упоминание Глинкой одного из своих приятелей по Благородному пансиону. Не называя его по имени, Глинка коротко отозвался о нём как о «жертве <своего - СЛ> собственного легкомыслия»¹⁵, решительно закрывая тем самым тему, но вводя в контекст эмоционально-знаковое: «жертва».

Впрочем, есть основания предположить, что определённая позиция в отношении к декабристам у Глинки всё же была. Так, «ласковость» Герцога Виртембергского, не внушавшая никаких иллюзий, побудила при первой же возможности уже в конце декабря (очевидно, сразу после дознания) покинуть С.-Петербург¹⁶. Оказавшись в Смоленске, Глинка был вынужден общаться с И. В. Шервудом, за несколько лет до мятежа донесшим Александру I о волнениях в офицерской среде, что было известно многим. Шервуд был обласкан

---

¹⁴ Записки М. И. Глинки // Михаил Иванович Глинка. Литературное наследие: в 2 тт. Т. I. Автобиографические и творческие материалы / Под ред. В. Богданова-Березовского. М.-Л.: Музгиз. 1952. С. 94.

¹⁵ Исследователи предполагают, что Глинка, вспоминая о случайной встрече со своим соучеником по Благородному пансиону, имел в виду Михаила Николаевича Глебова (1804–1851). Судя по тому, что инкриминировалось Глебову в ходе судебного разбирательства, он действительно стал жертвой собственного легкомыслия. Следствие не смогло доказать причастность Глебова к тайному обществу и какое-то время даже считалось, что его арест был необоснован. Тем не менее, факт его присутствия на площади, поддержки солдат, передачи им необходимой информации был оценён доказательством его участия в событиях на Сенатской площади.

Глебов был осуждён и приговорён на 10 лет каторжных работ. Впоследствии срок каторги был сокращён, Глебов был препровождён на поселения, где умер в возрасте 47 лет от побоев грабителей.

¹⁶ Мотивом для отъезда было выдвинуто желание побывать на венчании сестры Пелагеи, хотя венчание это было назначено только на конец февраля.

Императором, который повелел впредь именовать его Шервуд-Верный, тем самым поспособствовав развитию в различных общественных кругах его отнюдь не лестной славы, слухи о которой активизировались после декабрьских дней. Вышедшая замуж за Шервуда Е. А. Ушакова, которую Глинка считал своей племянницей (она была дочерью дальнего смоленского родственника) и к которой — «миловидной 18-летней девушке, хорошо игравшей на фортепиано» — он был какое-то время равнодушен, утратила для него свою привлекательность, и сочинение, ей посвящённое, — первое опубликованное сочинение Глинки (вариации на модный итальянский романс) — было издано без указания адресата¹⁷.

Там же, в Смоленске Глинка написал, идя вслед за замыслом своего знакомца, генерала в отставке Апухтина, музыку для Пролога на кончину императора Александра и восшествие на престол Николая Павловича. Композитор остался доволен своим опусом, подчеркнув в «Записках...» главное для себя: «Я писал искренно <...>»¹⁸. Касалось ли это траурной части Пролога или торжествующего финала — сказать трудно.

*

Но наиболее очевидно влияние эмоциональной памяти Глинки ощущалось тогда, когда композитор подходил к реконструкции поворотных моментов декабрьской истории и своей вовлечённости в

---

¹⁷ См. об этом: Записки М. И. Глинки // Михаил Иванович Глинка. Литературное наследие: в 2 тт. Т. I. Автобиографические и творческие материалы / Под ред. В. Богданова-Березовского. М.-Л.: Музгиз. 1952. С. 411 (прим. 68).

¹⁸ См. об этом: Записки М. И. Глинки // Михаил Иванович Глинка. Литературное наследие: в 2 тт. Т. I. Автобиографические и творческие материалы / Под ред. В. Богданова-Березовского. М.-Л.: Музгиз. 1952. С. 96.

неё, создавая на основе некогда прочувствованного свою собственную реальность. И неважно, сколь исторически-достоверной эта реальность оказывалась.

Впервые это проявилось в описании эпизода вызова на дознание.

<...> в полночь послышался шум у ворот; растворилась дверь квартиры и полковник Варенцов — дежурный Штаб-офицер нашего ведомства, повелительным голосом приказал мне явиться к его высочеству¹⁹.

Перед нами — настоящая театральная сцена, в чём-то перекликающаяся с семантически сходными сценами «Жизни за царя»: зима, полночь, стук в дверь, появление Вестника, повелительный приказ, герой, покидающий дом ... Отличие «всего лишь» одно: это была глинкинская жизнь и глинкинская действительность, оставшаяся в эмоциональной памяти отголоском некогда донельзя наэлектризованного состояния.

Второй случай подобного плана основан как на визуальных, так и на слуховых ощущениях Глинки и напрямую касается первого впечатления композитора от Императора.

О событиях 14 декабря сам Император вспоминал с ужасом, отмечая:

<...> Надо было мне выигрывать время, дабы дать войскам собраться, нужно было отвлечь внимание народа чем-нибудь необыкновенным. Все эти мысли пришли мне как бы вдохновением, и я начал говорить народу, спрашивая,

---

¹⁹ См. об этом: Записки М. И. Глинки // Михаил Иванович Глинка. Литературное наследие: в 2 тт. Т. I. Автобиографические и творческие материалы / Под ред. В. Богданова-Березовкого. М.-Л.: Музгиз. 1952. С. 93.

читали ль мой Манифест. — Все говорили, что нет; пришло мне на мысль самому его читать. У кого-то в толпе нашелся экземпляр; я взял его и начал читать тихо и протяжно, толкуя каждое слово. Но сердце замирало, признаюсь, и единый Бог меня поддержал²⁰.

Глинка в своих «Записках...» этот же эпизод воссоздавал так:

До сих пор у меня ясно сохранился в душе величественный и уважение внушающий вид нашего императора. Я до тех пор никогда не видал его. Он был бледен и несколько грустен; сложив спокойно руки на груди, пошёл он тихим шагом в середину толпы и обратился к ней с словами: «Дети, дети, разойдитеесь!»²¹.

Исследователи упорно подчёркивают: события, так описанного Глинкой, в действительности не было. «Просто» композитор «по своей полнейшей политической наивности непредумышленно <смешал - СЛ> обывательскую лубочную легенду с подлинной действительностью»²² (хотя факт существования в России вплоть до 1850-х годов подобной «обывательской лубочной легенды» и гипотетическое знакомство с ней Глинки сам по себе многозначителен). Но здесь важнее подчеркнуть другое.

Опираясь на свою эмоциональную память, Глинка воспроизводил не реальность появления Императора на площади, а

---

²⁰ См. об этом: Из Записок Николая I. Тетрадь 3-я. Л. 10–23 об. / Пер. с франц. Б. Е. Сыроечковского. Электронный ресурс: Музей декабристов / А. Самаль: <http://decemb.hobby.ru/index.shtml?memory/nikolus> дата доступа 08.07.2024.

²¹ Цит. по: Записки М. И. Глинки // Глинка М. И. Литературное наследие: в 2 тт. Т. I Автобиографические и творческие материалы / Под ред. В. Богданова-Березовского. Л.-М.: Музгиз. 1952. С. 98.

²² Записки М. И. Глинки / Редакция, вст. статья и прим. А. Н. Римского-Корсакова. М.: Гареева. 2004. С. 51 (прим. 1).

своё давнее ощущение того, как «выглядело» и как «звучало» это событие. И на удивление «совпадал» в этом с Императором.

Николай I подчёркивал «необыкновенность» ситуации, видеваемой ему в том, как «по вдохновению» решился он «тихо» и «протяжно» читать Манифест вопреки шуму возбуждённой толпы. Композитор услышал ту же звуковую драматургию, подчеркнув поразивший его контраст тихой, протяжной речи Императора и криков собравшихся. Вложенная в уста монарха проникновенная, за душу берущая фраза: «Дети, дети, разойдитесь!», которую могла подсказать Глинке его чувствительная натура, довершала не исторический — художественный образ Николая I и всей ситуации — таких, какими остались они в эмоциональной памяти композитора, запомнившего «тихо» шагающего, бледного, грустного правителя, тоже своего рода «жертвы» трагического конфликта.

Эпизод, так «срежиссированный» Глинкой получился ярким, запоминающимся, настраивающим на ассоциации с театральным опытом и, вместе с тем, как нельзя более очевидно говорящим об истинном отношении музыканта к памятным событиям 1825 года, его подлинном понимании степени риска, которым подвергались все собравшиеся на площади. Отсюда и финал сцены: «смерть или увечья» шли за всеми по пятам: «вскоре раздались пушечные выстрелы, направленные против мятежников», и роковой приказ Императора перевёл смысл противостояния на другой уровень.

Современный исследователь, также толкующий данный эпизод как театральный, полагает, что слова, вложенные Глинкой в уста

Императора, возникли «в памяти композитора под влиянием его собственной оперы “Жизнь за царя”, где правитель показан как глава большой семьи-нации»²³. Вполне допуская такую ассоциацию, поддерживая идею патернализма, видимо, актуальную для Глинки, следует, думается, упомянуть здесь и пушкинского «Бориса Годунова», хорошо известного композитору: Царь, в скорби великой приемлющий власть, становящийся заложником / жертвой обстоятельств ... И, если продолжить возникающую аналогию, то и столь часто ставящийся Глинке в вину «легкомысленный» уход с площади («ибо не завтракал», — как пояснял он сам) вполне мог быть откликом на эмоциональную модуляцию, задававшуюся пушкинским жанровым переключением: «А там — сзывать весь наш народ на пир»²⁴.

*

Глинка ещё не раз обратится к фигуре Николая I, вспоминая о своих встречах с ним в период 1830-х — начала 1840-х годов. Но нигде более образ царя не будет толковаться им в прежнем ключе. Постепенно покидая страницы писавшегося Глинкой об Императоре, эмоциональная память композитора совершит дрейф от отдельных субъективных определений, обусловленных её влиянием²⁵, — к

---

²³ Лобанкова Е. Глинка. Жизнь в эпохе. Эпоха в жизни. Жизнь замечательных людей. Серия биографий. М.: Молодая гвардия. 2019. С. 127.

²⁴ Невозможно не продолжить ассоциативный ряд и не упомянуть здесь о сходном решении сцены в опере М. П. Мусоргского «Борис Годунов».

²⁵ Немало раз Глинка, вспоминая о встречах с Императором и членами его семьи, использовал эмоционально окрашенный и очень субъективный эпитет «ласково»: Император «ласково разговаривал» с ним, «ласково принимала» его Императрица, «ласковым» было отношение к композитору со стороны членов императорской фамилии. Для Глинки, необычайно чувствительного к эмоциональной атмосфере, окружавшей его, такое мягкое и внимательное отношение к себе было очень важно. Ласково относящиеся к нему представители власти всегда вызывали у него особые, почти благодарные, чувства, память о

«простой» констатации событий памятью рациональной, деловой, исключавшей личное отношение и предполагающей по возможности объективное восстановление былого.

В силу целого ряда причин Глинка переставал быть ценим Императором. Но и Император переставал быть ценим Глинкой. Точкой невозврата стала здесь история премьерного показа оперы «Руслан и Людмила» (1842)²⁶. Ещё 13 лет Глинка и Николай I будут сосуществовать в едином географическом и культурном пространстве, но Глинка ни разу больше не упомянет имени Императора²⁷. Композитор не мог себе позволить обижаться на монарха, но исключить его из числа героев своих мемуаров смог.

Список литературы

Асафьев Б. В. На полях «Записок М. И. Глинки» // Советская музыка. 1944. №2. С. 10–15.

[Глинка М.И.] Записки Михаила Ивановича Глинки и переписка его с родными и друзьями / Пров. и испр. По ориг. изд. с сохранением всех прим. В. В. Никольского. СПб.: Изд-во А. С. Суворина. 1887.

которых он хранил годами. «Ласковость» царствующей особы была потому особенно им ценима. Но постепенно словарный запас композитора в отношении к Императору менялся. Видимо, — отражая изменения в отношении к нему монарха и его семьи.

²⁶ Как известно, царствующая фамилия покинула театр, до окончания спектакля. Хотя уход семейства совпал с самым его концом и, следовательно, нет оснований полагать, что Император и его семья не дослушали оперу до конца. Глинка был уязвлён происшедшим, запомнив то, что показалось ему царским демаршем, до конца жизни.

²⁷ Хотя поддерживал контакты с вдовствующей Императрицей, продолжая бывать на её музыкальных вечерах, встречаясь с ней и за пределами России.

[Глинка М.И.] Записки М. И. Глинки // Михаил Иванович Глинка. Литературное наследие: в 2 тт. Т. I. Автобиографические и творческие материалы / Под ред. В. Богданова-Березовского. М.-Л.: Музгиз. 1952.

Из Записок Николая I. Тетрадь 3-я. Л. 10–23 об. / Пер. с франц. Б. Е. Сыроечковского. Электронный ресурс: Музей декабристов / А. Самаль: <http://decemb.hobby.ru/index.shtml?memory/nikolus> дата доступа 08.07.2024.

Лобанкова Е. Глинка. Жизнь в эпохе. Эпоха в жизни. Жизнь замечательных людей. Серия биографий. М.: Молодая гвардия. 2019.